

УДК 321

И.А. Каневский, аспирант*Севастопольский национальный технический университет**ул. Университетская 33, г. Севастополь, Украина, 99053***АНАЛИЗ ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫХ ПРОБЛЕМ УПРАВЛЯЕМОЙ ДЕМОКРАТИИ**

Рассматривается политико-правовая проблематика управляемой демократии в контексте современных российских социально-экономических условий. Анализируется влияние политической культуры и политических традиций на функционирование управляемой демократии. Также рассматривается концепция цивилизма в качестве альтернативной концепции постсоциалистической трансформации общества.

Ключевые слова: демократия, политическая система, управляемая демократия, либерализм, политическая культура, цивилизм.

Термин «управляемая демократия» стал активно употребляться в политологической сфере в финальный период правления Б.Н. Ельцина. Именно в этот период Администрация президента под руководством А.С. Волошина предприняла относительно успешную попытку поставить под собственный контроль политические процессы, происходившие в то время в Российской Федерации. В терминологическом плане «управляемая демократия» попадает в систему многочисленных «демократий с прилагательными» (квазидемократии, дефектные демократии, нелиберальные демократии и др.), изучением которых занимались многие известные политологи (например, Ф. Закария, В. Меркель, Ф. Шмиттер и др.). Так, Ф. Закария, исследовавший проблемы демократии в современном мире в своих работах «Постамериканский мир» и «Будущее свободы: нелиберальная демократия в США и за её пределами» указывал, что во многих странах, ставших на путь демократизации, наблюдаются смешанные черты демократического и авторитарного правления [1, с. 100-102]. Данный аспект относится практически ко всем «демократиям с прилагательными». В то же время управляемая демократия характеризуется рядом специфических черт.

Управляемой демократией является система власти, при которой, при внешнем соблюдении общепринятых демократических процедур, происходит некое давление на участников избирательного процесса и навязывание им готового варианта выбора. Любопытно, что в условиях российской реальности времён Ельцина многие политологи оправдывали данный феномен, рассматривая его в качестве переходного этапа между постсоветским состоянием и истинной демократией с сформировавшимся гражданским обществом и оптимально функционирующими либеральными институтами. Именно в этот период, по их мнению, необходимо активное вмешательство власти, как в избирательный процесс, так и в функционирование многих государственных институтов. «Управляемая демократия не идеал, а естественный этап развития страны от советской диктатуры через ельцинскую анархию к нормальной демократии. Её принцип: демократия там, где она уже работает, где она эффективна, должна быть, а где не работает – необходимо использование прямого ручного мягкого управления страной во имя развития, а значит, в конечном счёте – во имя демократии» [2, с. 50].

В принципе, оценивая события ельцинского периода правления в ретроспективе, становится ясно, что появившаяся на политической сцене новая элита не стремилась к созданию полноценной либеральной демократии, а, используя анти тоталитарный порыв, наблюдавшийся в широких слоях общества, стремилась к удержанию экономически значимых позиций. Фигурировавшие на социально-политической авансцене «либералы» в массе своей в основном преуспели в переделе бывшей государственной собственности, чем в создании политико-правовых основ либерально-демократического общества. Данные обстоятельства в итоге повлекли дискредитацию идей либерализма, который начал ассоциироваться в массовом сознании с процессом ограбления и обнищания населения, и идеей демократии, которая стала восприниматься как охлократия и экономическая вакханалия на государственном уровне. Именно по этой причине, основные идеологические ориентиры либеральной демократии оказались девальвированы и возникла плодотворная среда для управляемой демократии под лозунгом укрепления государственной вертикали.

В целом, для управляемой демократии характерны следующие черты: вмешательство в сферу отправления правосудия и манипулирование судебной системой; активное давление на избирателей, оказываемое при помощи средств массовой информации; наличие негласных договорённостей между кандидатами на региональных выборах и федеральным центром, при которых победа кандидата на выборах зависит не столько от результатов местного голосования, сколько от волеизъявления центральной власти. Кроме того, одним из ключевых аспектов управляемой демократии выступает пропаганда.

Феномен пропаганды можно рассматривать с нескольких точек зрения. Так, Р. Барт исследовавший в своих работах «Нулевая степень письма» и «Мифологии» проблему политической

пропаганды с точки зрения постструктурализма отмечал, что пропаганда выступает в качестве языкового мифа, приписывающего объектам несвойственные им значения и социализирующего их при помощи текста [3, с. 62-64]. Механизм функционирования пропаганды в квазидемократических системах (и, прежде всего в условиях управляемой демократии) в принципе понятен: избирателю навязывается тот или иной выбор, при этом формально соблюдаются легальные демократические нормы. Однако на самом деле происходит латентное квазисиловое вмешательство в процесс самоопределения избирателя. «Под властью репрессивного целого права и свободы становятся действенным инструментом господства. Для определения степени человеческой свободы решающим фактором является не богатство выбора, предоставленного индивиду, но то, что может быть выбрано и что действительно им выбирается... Воспроизводство индивидом навязываемых ему потребностей не ведёт к установлению автономии, но лишь свидетельствует о действительности форм контроля» [4, с. 271]. Монополия на средства массовой информации (и, прежде всего, на телевидение) позволяет политическим силам активно влиять на избирательный процесс. Кроме того, в массе своей избиратель не участвует в переговорах политических субъектов. Он воспринимает результаты и подтверждает достигнутый политическими элитами консенсус своим легальным голосованием. Вследствие этого не наблюдается явная девальвация выборного процесса и в целом внешние демократические атрибуты избирательного процесса не нарушаются.

Также условиям управляемой демократии свойственна высокая степень политического конформизма в массовом сознании. Именно данный фактор способствует успехам пропаганды. Благодаря пассивному принятию предлагаемого политического порядка, отсутствию критического мышления и подражанию установленным политическим стереотипам создаётся благоприятный базис для квазидемократических режимов. В подобных условиях субъект такой системы осознаёт существование правительственной власти и чувственно ориентирован на неё. Однако «отношение к системе вообще и к тому, что она даёт на выходе, то есть к административной стороне политической системы, это отношение в основе своей пассивное, это ограниченная форма знания и участия, которая соответствует подданнической культуре» [5, с. 565].

Гражданская культура призвана поддерживать баланс между властью и ответственностью. Она даёт возможность понять, почему те или иные важнейшие политические вопросы в случае неразрешённости порождают нестабильность в политической системе. Но баланс между политической активностью и пассивностью может поддерживаться только в том случае, если политические вопросы не порождают явных политических конфликтов. Если политическая жизнь характеризуется явной напряжённостью в связи с нерешённостью какого – либо важного социально-политического вопроса, то несоответствие между позициями начинает терять устойчивость. Любое относительно длительное разрушение данного несоответствия влечёт за собой негативные для политической системы последствия. В случае, когда объём контроля со стороны незлит над элитами значителен, это может породить неэффективность государственного управления (например, лишить его возможности оперативной реагировать на какие-либо изменения в социуме). Если же контроль за действиями власти со стороны незлит незначителен (либо вообще отсутствует), в социуме возникает чувство бессилия и невключённости в политическую жизнь. Именно здесь и происходит своеобразная «подмена», когда тенденции к формированию полноценного гражданского общества заменяются на восприятие политических стереотипов, отвечающих интересам политической элиты (что собственно и наблюдается при управляемой демократии). На первое место выходит политический конформизм с относительно сильной ориентацией индивида на политическую систему, но со слабой направленностью на участие в её функционировании. Личность с подданнической культурой признаёт авторитет власти, но не стремится к участию в политической жизни, сводя свои функции к одобрению решений власти. «Подобная потеря собственной сущности превращает конформизацию в некий императив: человек имеет право быть уверенным в себе и в своём будущем, если ведёт себя в соответствии с ожиданиями других. Если же мы ведём такой образ жизни, который не вписывается в рамки общепринятых понятий, то мы рискуем не только вызвать всеобщее неодобрение, но и потерять уверенность в своей сущности» [6, с. 313].

Немаловажным аспектом в данной ситуации выступает проблема свободы средств массовой информации. Власть номинально выступает в качестве сторонника свободы СМИ. Однако независимость СМИ в современных условиях довольно проблематична, так как масс-медиа всегда находятся в определённой зависимости от владельцев, идеологов и финансовых ресурсов. В принципе главным критерием независимости той или иной газеты или радиостанции выступает, прежде всего, финансовая независимость. То есть в качестве независимых СМИ в современных условиях могут выступать различные коммерческие радиостанции и развлекательные журналы, чья деятельность направлена на привлечение финансовых средств. Однако относительно невысокий уровень жизни определяет небольшой оборот рекламного рынка, что и вынуждает данные издания обращаться к олигархам за материальной поддержкой и вливаться во всевозможные медиа-холдинг. Говорить в этом случае об отсутствии политической ангажированности СМИ уже не приходится. Особо важная роль принадлежит в данной ситуации телевидению, так как именно оно рассматривается политической элитой в качестве

главного идеологического средства. Как итог – тенденция лишения права собственности опальных олигархов (В. Гусинского, Б. Березовского) на телевидение. «Телеканалы, особенно при слабых политических партиях, – это в России не средство информации, а средство пропаганды – политическое ядерное оружие. Путин предъявил частным группам интересов требование: «Разоружитесь!» – политическое ядерное оружие может быть только у государства» [2, с. 52].

Стоит отметить ряд правовых аспектов, непосредственно связанных с управляемой демократией. В основе данной концепции находится идея о необходимости укрепления государственной власти. Однако данное стремление соотносится с определённой степенью уменьшения гражданских свобод, так как, по мнению фундаторов и идеологов управляемой демократии, социум не готов к абсолютной гражданско-правовой свободе и нуждается в ряде правовых ограничений, которые направили бы развитие политических процессов в необходимое русло. Если исследовать данный тезис при помощи исторического анализа, то он окажется не лишённым оснований. Действительно, на начальных этапах либеральных преобразований российское общество, лишённое какой-либо чёткой политической программы, не обладавшее сложившимися либеральными традициями и не выработавшее организационно-правовых методов для данных преобразований, столкнулось со стихийным развитием многих политических процессов. Возникла реальная необходимость в политической корректировке. Однако «вместо того, чтобы выстраивать и поддерживать правовые принципы гражданского общества, бюрократия под лозунгом укрепления российского государства в очередной раз пытается взять на себя функцию надсмотрщика за жизнью людей, ограничивая их свободу» [7, с. 15].

Стоит отметить, что данная «корректировка» не возникла на пустом месте. В процессе демократических преобразований немаловажную роль играют политические традиции и политическая культура. Данные преобразования, как и процесс становления гражданского общества, должны базироваться, прежде всего, на определённых ценностных установках членов социума, а не на доктринах и манипуляциях политико-экономической элиты. Но любое государство является также этнической (или суперэтнической) системой с определёнными исторически сложившимися традициями и ментальностью. В целом политическая культура России характеризуется подданническим отношением к властным структурам, что находит и отражение в массовых представлениях о «сильной властной руке», «строгом, но справедливом правителе» и др. То есть идея управляемой демократии сформировалась в довольно продуктивной среде.

В данном контексте необходимо отметить, что фундаментальная для естественно-правовой доктрины концепция приоритета прав личности в последнее время подвергается критике и характеризуется скептическим отношением со стороны целого ряда российских общественно-политических движений, каждое из которых по-своему видит особенности либерально-демократических преобразований. «Наряду с традиционно оппозирующим этой идее сторонниками социалистической идеологии (исходящими из принципа доминирования коллектива над личностью), заметно усилили свои нападки на конституционный принцип приоритета прав личности набирающие силу державники (утверждающие приоритет государства над гражданином), евразийцы (которые право народов ставят выше прав человека) и представители целого ряда идейно-политических течений» [7, с. 21].

Кроме того, ряд российских правоведов полагают, что политическая модель управляемой демократии в условиях российских реалий преодолевает западный индивидуализм, органично соединяя в себе интересы человека и государства, человека и коллектива, человека и общества. Именно данная модель иллюстрирует, что интересы государства не менее существенны, чем интересы отдельной личности. Однако отступление от признания прав и свобод отдельной личности в качестве высшей политико-правовой ценности, замена их иными (по утверждениям представителей подобного подхода, не менее значимыми) ценностями, такими как нравственность, религиозная вера, интересы общества и государства, несёт в себе определённые негативные аспекты. При данном подходе наблюдается своеобразный отказ от универсального правового критерия оценки поведения, общепринятый характер которого обусловлен лежащим в его основе принципом формального равенства людей в качестве субъектов права. Стоит отметить, что отступление от соответствующего только праву принципа формального равенства сторон в пользу каких-либо других нормативных регуляторов (религиозных, идеологических и пр.) неизбежно вызовет своеобразный коллапс в общественном правосознании и повлечёт отход от восприятия правовых норм.

Необходимо отметить, что ряд российских правоведов выдвинули собственные альтернативные концепции постсоциалистической трансформации общества, затрагивающие как социальные, так и политические и экономические аспекты. Так, в конце 1980-х – начале 1990-х годов академик В.С. Нерсисянц разработал философско-правовую концепцию цивилизма. Автор данной концепции рассматривает историю права как прогрессирующую эволюцию масштаба и меры формального правового равенства, в процессе которой различным историческим периодам соответствуют собственный круг субъектов отношений, основанных на принципе формального равенства, а также определённый масштаб и мера свободы. Развивая тезис об исторически изменяющемся социальном

содержании правового принципа формального равенства через призму проблемы преобразования отношений собственности, В.С. Нерсисянц разработал модель постсоциалистического строя, в котором формальное правовое равенство дополняется экономическим содержанием, включающем в себя формальное равенство в сфере отношений собственности [8].

В основу концепции цивилизма положен правовой принцип десоциализации социалистической собственности, при котором за каждым гражданином как наследником в прошлом общенародной собственности признаётся равное право на одинаковую долю от всей десоциализируемой собственности. С юридической точки зрения данная цивилитарная собственность выступает в качестве идеальной, то есть не изымаемой в реальности из общего фонда гражданской собственности, доли каждого в общей собственности всех граждан. Каждый гражданин, выступая в роли собственника, в течение своей жизни получает соответствующую его идеальной доли часть денежных доходов от всех форм товарно-денежного использования общей собственности, приобретая, таким образом, пожизненное личное субъективное право на свою долю собственности. Помимо данного минимума гражданской собственности в концепции цивилизма допускаются все иные виды собственности, функционирующие в правовом режиме частной собственности. «Гражданская собственность в виде идеальной доли по природе своей не может быть изъята из общей собственности и не может быть предметом какой-либо сделки. Она носит персонально определённый, неотчуждаемый характер и принадлежит гражданину от рождения до смерти. Будущие новые граждане (из числа тех, кто родится или получит основания по иным обстоятельствам), как и все прежние граждане, будут иметь одинаковое право на равную гражданскую собственность» [9, с. 331]. Объективная возможность подобного правового способа преобразования социалистической собственности обусловлена реальными итогами социализма, а сама концепция постсоциалистического цивилизма (по мнению автора) выражает более высокую ступень правового равенства, свободы и справедливости в социальной жизни.

Согласно концепции цивилизма, подобное правовое преобразование экономических отношений будет символизировать переход к новому – посткапиталистическому и постсоциалистическому – строю, в рамках которого снимается диалектическое противоречие между капитализмом и социализмом. В.С. Нерсисянц, интерпретировавший всемирную историю с позиций гегельянства, считал, что в идее цивилизма диалектически снимаются негативные аспекты социализма и капитализма и данная идея может выступить в качестве национальной консолидирующей идеи России.

В заключение хотелось бы отметить, что тенденции управляемой демократии могут обладать негативными качествами не только во внутривнутриполитической, но во внешнеполитической сфере. Политическая элита, пользующаяся методами управляемой демократии (например, вмешательством в деятельность судебной системы) и не ощущающая ограничений со стороны сформировавшегося гражданского общества, тяготеет к переносу привычной для неё схемы управления на область внешней политики. Так, согласно прогнозам ведущих политологов, в ближайшие 20-30 лет мир, превращающийся в единую глобальную систему, ориентируется относительно выбора модели своего дальнейшего развития. Диапазон вариантов данного выбора будет различаться «от авторитарно – олигархической организации внутриглобальных отношений до установления в них демократических основ» [10, с. 71]. Противостояние между данными фундаментально противоположными моделями мирового устройства выступает, по своей сути, как противостояние тенденций развития государственно–политических систем, основанных на правовом и внеправовом (а чаще силовом) регулировании возникающих конфликтов. Правовая модель, в данных условиях, будет ориентироваться на выработку основополагающих норм правоотношений на договорной основе с условием соблюдения принципов формального равенства сторон и учитывающего всё многообразие национальных и культурных интересов участников международных договорённостей. Кроме того, правовая основа, при данном подходе, должна исключать возможность применения двойных стандартов в международных отношениях. Однако идеальная модель правового регулирования в реальности сталкивается с множеством преград. Так, однозначный выбор в пользу правовой модели осложняется беспрецедентным за всю историю размахом деятельности террористических организаций (имеющих, зачастую, государственное покровительство и стремящихся выступать в качестве субъектов межгосударственных отношений). В подобных условиях у наиболее развитых в финансово-экономическом, технологическом и военном отношениях государств возникает наблюдаемая тенденция, когда под предлогом борьбы с международным терроризмом, они стремятся упрочить свои позиции в мире за счёт других государств вследствие одностороннего пересмотра основ международного права. Подобный путь, ставящий своей основной задачей получение и удержание привилегий и политических преимуществ, ведёт к дезорганизации мировой системы и в перспективе может привести к глобальной дестабилизации положения в мире. Вследствие этого, необходимо создать действенный правовой инструмент, который ограничил бы односторонние тенденции к пересмотру мирового порядка и позволил бы удержать общий правовой вектор, как во внутривнутригосударственных, так и в международных отношениях.

Библиографический список использованной литературы

1. Закария Ф. Будущее свободы: нелиберальная демократия в США и за её пределами / Ф. Закария. — М.: Ладомир, 2004. — 383 с.
2. Марков С. Концепция управляемой демократии / С. Марков // Политический класс. — 2005. — № 1. — С. 50–55.
3. Барт Р. Нулевая степень письма / Р. Барт. — М.: Академический проект, 2008. — 431 с.
4. Маркузе Г. Эрос и цивилизация / Г. Маркузе. — М.: АСТ, 2002. — 526 с.
5. Алмонд Г. Гражданская культура и стабильная демократия / Г. Алмонд, С. Верба // Политология: хрестоматия. — М.: Гардарики, 2000. — 843 с.
6. Фромм Э. Бегство от свободы; Человек для себя / Э. Фромм. — Минск; Попурри, 2000. — 672 с.
7. Лапаева В.В. К дискуссии о концепциях российской демократии / В.В. Лапаева // Российское правосудие. — 2006. — № 4. — С. 14–31.
8. Нерсесянц В.С. Манифест о цивилизме. Национальная идея России во всемирно-историческом прогрессе равенства, свободы и справедливости. [Электронный ресурс]. — Электрон. текстовые данные. — Режим доступа: <http://www.trinitas.ru/rus/doc/0001/005a/00011082.htm>.
9. Нерсесянц В.С. Философия права Гегеля / В.С. Нерсесянц. — М.: Юрист, 1998. — 352 с.
10. Глобализация и развитие законодательства: Очерки / под ред. Тихомирова Ю.А., Пиголкина А.С. — М.: Городец, 2004. — 464 с.

Поступила в редакцию 18.09.2013 г.

Канєвський І.О. Аналіз політико-правових проблем керованої демократії

Розглядається політико-правова проблематика керованої демократії в контексті сучасних російських соціально-економічних умов. Аналізується вплив політичної культури і політичних традицій на функціонування керованої демократії. Також розглядається концепція цивілізм в якості альтернативної концепції постсоціалістичної трансформації суспільства.

Ключові слова: демократія, політична система, керована демократія, лібералізм, політична культура, цивілізм.

Kanevsky I. Analysis of the political and legal problems managed democracy

The article considers the political and legal problems of managed democracy in the context of contemporary Russian socio-economic conditions. Analyzed is the impact of political culture and political traditions on the functioning of managed democracy. Civilizm also examines the concept as an alternative concept of post-socialist transformation of society.

Keywords: democracy, a political system governed by democracy, liberalism, political culture, civilizm.